

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (091)

ПЛАТОН И АКАДЕМИЯ («ИСТОРИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ» ФИЛОДЕМА)

Е. В. Афонасин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
afonasin@gmail.com

Аннотация. В статье предлагается русский перевод части «Истории философов» Филодема, доступной в двух Геркуланских папирусах (PHerc. 1021 и PHerc. 164) и посвященной истории основания Афинской Академии и биографии ее основателя. Этот важный источник, представленный и подробно прокомментированный в статье, позволяет выделить наиболее интересные подробности жизни и политической деятельности Платона как в Афинах, так и в Сицилии. Рассмотренные биографические подробности реконструированы на основе самых ранних свидетельств, в том числе Платоновых писем, работ учеников Аристотеля Аристоксена и Дикеарха, платонического философа Гераклида Понтийского и эллинистического историка Неанфа (чьи данные в конечном итоге восходят к Исократу). Это делает биографию Платона и раннюю историю Академии более достоверной.

Ключевые слова: история научно-образовательных институтов, философские биографии, Афины.

Для цитирования: Афонасин, Е. В. (2020). Платон и Академия («История академических философов» Филодема) // *Respublica Literaria*. Т.1. № 1. С. 7-24. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.7-24

PLATO AND THE ACADEMY (PHILODEMUS' "HISTORY OF THE ACADEMIC PHILOSOPHERS")

E. V. Afonasin

Institute of philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
afonasin@gmail.com

Abstract. The paper offers a Russian translation of the portion of the "History of the philosophers" by Philodemus, available in two Herculaneum papyri (PHerc. 1021 and PHerc. 164), which deals with the history of the foundation of the Athenian Academy and the biography of its founder. This important source, introduced and extensively commented in the article, allows highlighting the most interesting details of Plato's life and political pursuits both in Athens and in Sicily. The biographical details discussed are reconstructed on the basis of the earliest evidence, including the Platonic letters, the works of the students of Aristotle Aristoxenus and Dicaearchus, the platonic philosopher Heraclides of Pontus, the Hellenistic historian Neanthes (who's information ultimately comes back to Isocrates), and some others. This gives the biography of Plato and the earliest history of Academy more credence.

Keywords: the history of scientific and educational institutes, philosophical biographies, Athens.

For citation: Afonasin, E. V. (2020). Platon and the Academy (Philodemus "History of the academic philosophers"). *Respublica Literaria*. 2020. Vol. 1. no. 1. pp. 7-24, DOI:10.47850/RL.2020.1.1.7-24.

Дионисий Старший пожалел о том, что не поверил Платону. По крайней мере, так пишет Аристоксен, которому в молодости довелось встретиться с престарелым бывшим сиракузским тираном в Коринфе и спросить его «почему он разозлился на Платона и какова была тому причина». На это Дионисий, как передает Плутарх (*Тимолеонт* 15), ответил, что «из многих зол, связанных с тиранической властью, хуже нет, когда никто из воображаемых друзей не говорит с тираном откровенно», так как «именно эти друзья и лишили его расположения Платона». О неудачных поездках Платона на Сицилию, со ссылкой на Аристоксена, пишет и сатирик Лукиан (*Парасит* 34) [Гараджа, 2019, с. 205-206]. Эти истории, конечно же, отражают детальное повествование о сицилийских контактах Платона, рассказанное автором *Седьмого письма*.

Злоключения философа при дворе иноземного властителя – это вечная история. Исключением выглядит лишь дружба между учениками Платона и Гермием (col. V¹ и *Шестое письмо* Платона). Как правило же мораль и политика несовместимы, и как предок Платона Солон по преданию не угодил лидийцу Крезу, так и далекий интеллектуальный наследник Платона Дамаский не пришелся ко двору персидскому правителю Хосрову. Именно в таком обобщенном ключе Филодем передает причину разногласий между Платоном и Дионисием (col. X). Напротив, если не считать сатирической ремарки Лукиана (наверное, чрезмерной даже для Аристоксена), будто Платон при дворе Дионисия, сначала Старшего, а затем Младшего, проявил «неспособность» и «невежество» (*Парасит* 34), то большинство биографов так или иначе связывают этот конфликт с открытым неприятием философом тиранической власти (Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 3.18).

В результате – «Эгинское пленение», которое чуть не стоило философу свободы, а может и жизни. Хронологически первый источник, который рассказывает об этом, – Филодем. Его версия истории крайне лаконична. Сообщается, что Платон впервые прибыл на Сицилию в возрасте 21 года, что противоречит словам Диогена (о чем подробнее см.: примечание к col. X). Там он некоторое время общался с пифагорейцами, а затем при неизвестных обстоятельствах прибыл ко двору Дионисия Старшего, где вызвал недовольство тирана тем, что не считал его счастливейшим из людей и был «передан» неким спартанским моряком (или торговцу), отплывающим в Афины. Дальнейший фрагментированный отрывок показывает, что на Эгине он попал в рабство как афинский гражданин, оказавшийся на территории враждебного полиса, был освобожден, затем, спустя время, еще дважды посещал Сицилию, в целом, «спасшись скорее по воле бога, нежели потому, что Дионисий не посмел нечестиво ...» расправиться с ним. Это сообщение содержит разные несуразности. Например, почему спартанский моряк (или купец) направлялся в Афины, если дело было во время Коринфской войны 395–387 гг., в которой Спарта воевала против Афин? Однако ситуация становится яснее, если это был не торговец или моряк, а спартанский посол Полиад, как сообщает Диоген Лаэртий (3.19), возможно, базируясь на сочинении Фаворина. Ведь посол мог иметь дела и с враждебным государством, а нейтральной территорией могла стать Эгина. Хотя история со временем, как это обычно бывает, могла обрести неправдоподобными деталями,

---

¹ Здесь и далее колонки «Истории академических философов» Филодема указаны по изданию: Kalligas, Tsouna, 2020. Перевод первой части папируса, касающейся самого Платона, см. ниже.

разумно предположить, что на Эгине Платон оказался не случайно, так как, по сообщению того же Фаворина (Диоген Лаэртий 3.3), он там родился, потому что именно на Эгине жил его отец до того, как (в качестве афинянина) быть изгнанным оттуда спартамцами. Не может ли это означать, что, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, Платон и его семья могли иметь какие-то постоянные интересы на Эгине? В связи с тем же Полиадом другой отголосок истории также мог получить дальнейшее развитие в ранней биографической традиции, связанной с Академией. Тот же Фаворин (Диоген Лаэртий 3.20) пишет, что божество наказало Полиада, погубив его при Гелике, и это катастрофическое событие вызывало большой интерес у ближайшего ученика Платона Гераклида Понтийского, который временно возглавлял Академию в течение его третьей поездки на Сицилию в 360/361 г.²

Если попытаться отвлечься от малопривлекательных деталей, которыми эта история могла обрасти впоследствии, то можно, вместе с Джоном Диллоном [Dillon, 2012, p. 287], предположить, что в действительности Дионисий поручил спартанскому послу сопроводить Платона из Сиракуз в Афины, и их путь по морю пролегал через Саронический залив, однако они по какой-то причине не учли того обстоятельства, что афинянину на Эгине в это время находится было не безопасно. О частностях, касающихся сообщения Филодема о сицилийских поездках Платона, мы скажем в примечаниях к колонкам X и II–III, ниже. Сейчас нам важны последующие события, с ними неразрывно связанные.

Прежде всего, с выкупом Платона из плена связывается история о последующем приобретении им небольшого имения на территории Академии. Средства (двадцать или тридцать мин) Платон получил либо от своего сицилийского друга Диона, либо от своего спасителя Анникерида Керенского (Диоген Лаэртий 3.20). Важно другое – приобретение места для будущей школы носило своего рода публичный характер. Оно изначально предназначалось не лично Платону, но всему кругу его друзей и учеников, что отчетливо

---

² «Гелику затопило за два года до сражения при Левктрах <...> Гераклид Понтийский пишет, что это несчастье произошло в его время и случилось оно ночью, причем, хотя город находился в двенадцати стадиях от моря, все эта область, включая и сам город, была покрыта [водой]; две тысячи людей, посланные ахейцами, не в силах были отыскать все тела; землю же разделили между жителями пограничных областей. Несчастье связывают с гневом Посейдона. Когда ионийцы были изгнаны из Гелики, их послы очень упрашивали геликийцев отдать им деревянную статую Посейдона, а если нет, то хотя бы позволить основать у себя подобное святилище. Когда же те отказали, они послали представителей в общий совет ахейцев, и хотя последние проголосовали [«за»], геликийцы все равно не подчинились. А следующей зимой случилось несчастье, и ахейцы позже позволили ионийцам основать святилище» (Страбон, *География* 8.7.2). Гелика – город в Ахее на севере Пелопоннеса, на берегу реки Селинус. Здесь находился один из важнейших религиозных центров Греции, посвященный Посейдону. Кроме Страбона и Диодора (ниже), о гибели Гелики упоминает Павсаний (*Описание Эллады* 7.24), посетивший это место в 174 г. С 2001 г. на месте древней Гелики ведутся раскопки. Катастрофическое землетрясение в районе Коринфа, уничтожившее Гелику, по масштабам сопоставляется с извержением вулкана на Санторини: ведь эта область находится на активной вулканической дуге, простирающейся от Коринфии, через Порос и Метану (на Пелопоннесе), острова Мелос и Санторини (в Эгейском море) и до острова Кос в Малой Азии [Bintliff, 2012, p. 14 и plate 1.1]. Как и древнюю катастрофу на Санторине, затопление Гелики считают прообразом Платоновой истории об Атлантиде. При Левктрах в Беотии, южнее Фив, спартамцы в 371 г. до н. э. были разбиты фиванцами. Отсюда следует, что землетрясение случилось в 373 г. до н. э. Несколько иначе эту историю рассказывает и Диодор Сицилийский (*Историческая библиотека* 15.48.4–49.6), также со ссылкой на Гераклида [Афонасин, 2019, с. 41–42].

отражается и в последующей истории этой школы. Традиционной датой основания Академии считается 387 г., однако, если, вместе с Деброй Нэйлз [Nails, 2002, p. 248] за опорное событие принять сообщение автора *Седьмого Письма* (324a) о том, что Платон впервые посетил Сицилию в возрасте сорока лет, то эта дата может сдвинуться лет на пять ранее. Мы еще вернемся к истории основания Академии.

В целом, для большинства знатных афинских граждан было открыто два пути к славе. Можно было отличиться на воинской службе, как, например, это удалось сделать в битве при Мегаре (409 г.) двум старшим братьям Платона, Аденанту и Главкону (*Государство* 368a). Очевидно, Платон в это время был еще слишком юн (ок. 19) [согласно: Nails, 2002, p. 246]. Однако Аристоксен, непостижимым образом, приписывает ему участие и в битве при Танагре, и в двух других – «в походах на Коринф и Делию», причем, в последней ему, по словам биографа, удалось отличиться (Диоген Лаэртий 3.8). При Танагре в 426 г. во время Пелопонесской войны Платон оказаться не мог, но, возможно, Аристоксен имел в виду сражение 377 г. во время Беотийской войны, или какое-нибудь иное, неизвестное нам сражение. Под Коринфом Платон мог оказаться в 394 г. Именно тогда погиб юный Теэтет (*Теэтет* 142a), а самому Платону исполнилось 33 года. Известная нам Делия 424 г. хронологически невозможна, однако, как предполагает Диллон [Dillon, 2012, pp. 284-285], Аристоксен мог иметь в виду какую-то другую военную кампанию в Аттике. Как бы там ни было, в его беспокойное время Платону не только довелось побывать на войне, но и как-то проявить себя.

Другой путь к славе – политика, как внутренняя, так и внешняя. О «провале» его внешнеполитической карьеры, сродни сицилийской катастрофе Никия, как злобно отмечает Лукиан (*Паразит* 34), мы уже говорили, в Афинах же политическая карьера Платона также не сложилась. Основная причина тому – семейные связи, и основной наш источник – *Седьмое письмо*, несомненно, написанное кем-то из ближайшего окружения Платона.

Каждый молодой человек, как говорится в *Письме* (324b сл.), жаждет как можно быстрее повзрослеть и принять участие в публичных делах, и молодой Платон также к этому стремился, тем более что с некоторыми из пришедших в описываемое время к власти «тридцатью» его связывали родственные и дружественные связи. К тому же, в начале ему показалось, что новое правительство поможет Афинам преодолеть кризис, вызванный катастрофическим поражением в войне. Однако, как пишет далее автор письма, пришедшая к власти хунта тут же показала свое истинное лицо, принесла много бедствий честным гражданам и в скором времени была свергнута.

Одной из ключевых фигур этой так называемой Тирании Тридцати 404/3 г. был родственник Платона политический деятель и писатель Критий. Вероятно, именно он имеется в виду в письме. Критий был знаком с Сократом, даже, как сообщается, спас его от гибели во время тирании, однако их отношения, если верить Ксенофону, не были дружественными (*Воспоминания о Сократе* 1.2.12, 1.2.37, 1.2.29–30). Подобно софистам Антифону и Фрасимаху, в сфере права и морали Критий был позитивистом, полагая, что право (как божественное, так и гражданское) – это человеческое творение, поэтому «благородный нрав» превышает любого закона, тогда как «справедливость сама может оказаться тираном» (фр. 25 DK, из сатировой драмы *Сизиф*). Конечно, из письма следует, что Платон достаточно быстро

понял несправедливый характер этого правления и, по молодости лет, не мог принимать в этих событиях сколь-либо активного участия. Тем не менее, сочувствие или даже причастность к про-спартанской олигархии – худшая рекомендация для будущего политика в послевоенных Афинах. И все же, как пишет далее автор письма (325b), после свержения тирании желание принять участие в политической жизни у Платона возникло вновь. Но вскоре, «по какому-то злему року» в 399 г. последовал суд над Сократом, в глазах афинского жителя, безусловно, связанный с тем, что именно он «учил Крития ... свергнувшего демократию» (Эсхин, *Против Тимарха* 173). Сразу же после казни его учителя Платон надолго покинул Афины и более не возвращался к активной политике, зато именно эти события, по словам автора письма, стали началом его подлинного обращения к философии. Что же касается государственных дел, то, по мере взросления, философ начал все лучше осознавать, насколько трудным делом может оказаться политика (325d). Именно эти размышления, но также и желание радикальных политических изменений, и привели его, как мы знаем, ко двору Дионисия Старшего.

Итак, Платон избрал третий путь, пролегающий в стороне от войны и политики, и возвратившись из сицилийской поездки, в качестве места встречи со своими единомышленниками выбрал Академию – публичный парк, расположенный в северо-западном пригороде Афин и так названный в честь мифического героя Гекадема, который помог братьям Диоскурам вернуть свою сестру Елену, украденную Тезеем. Это было очевидное решение: все философы так или иначе выбирали для своих занятий загородные парки и гимназии, популярные места отдыха мужского населения города: Сократ нередко вел свои беседы в Ликее, а Антисфен еще в 400 гг. учил в Киносарге. Важнее другое: в какой-то момент он решил публиковать свои «сократические речи (sōkratikoí logoi)». Этот радикальный шаг, согласно аристотелику Дикеарху (Col. I, ниже), имел ключевое значение для всего последующего развития его школы, так как письменное слово позволило не только отточить изначально изустный «сократический метод», но и положить начало серьезным занятиям философией и наукой, в особенности математикой. Правда, отмечает перипатетик, сократические диалоги нередко сводились к поверхностным риторическим и «эротическим» упражнениям (поэтому он критикует Платонов *Федр*, см. фр. 48 Mirhadi), а изучение математики не вышло за пределы ее «оснований», и прикладные науки, вроде оптики или механики, не получили в стенах Академии сколь-либо значимого развития.

Еще большее значение имела институализация школы [подробнее см.: Нааке, 2020, р. 72 sq.]. Именно это, в конечном итоге, позволило ей сохраниться и успешно развиваться и после смерти ее основателя в 348/7 г. Мы не знаем точно, какой правовой статус имела эта школа, но она точно не была религиозным союзом, как это считалось ранее. Скорее всего, это было частное объединение (*koinonía*), возглавляемое схолархом, который и распоряжался имуществом школы – небольшим садом (κηπίδιον ... τὸ ἐν Ἀκαδημαίᾳ, Диоген Лаэртский 3.7), расположенным там строением и, скорее всего, библиотекой. Кроме того, характерной чертой повседневной жизни школы стали совместные трапезы и жертвоприношения музам и Аполлону. К сакральным объектам должно быть относились статуя Сократа, установленная в саду, и затем могила самого основателя школы.

Была ли школа Платона политическим союзом (*hetaireia*), своего рода клубом заговорщиков, стремящихся, на благо общества, установить олигархическое правление

философов? В конечном итоге, именно так могут быть поняты слова автора *Седьмого письма* (325d–326b), что для того, чтобы исправить человеческие нравы «правильно мыслящими» философами, нужно, прежде всего, найти «друзей». И действительно, хотя сам Платон и целый ряд его последователей были вовлечены в политику и время от времени стремились реализовать платонический общественный идеал, мы не располагаем историческими данными, которые бы указывали на то, что такова была политическая задача платоников. Как и в области математических наук, за теорией вовсе не обязательно следовала практика, но афинский *dēmos* в это не очень верил, регулярно выдвигая обвинения в нечестии (*asebeia*) как против отдельных философов, так и против всех их в совокупности, по крайней мере единожды приняв закон о запрете функционирования философских школ, кроме как по решению городского совета и собрания, так называемый «закон Софокла» 306 г. (Диоген Лаэртий 5.38, Поллукс, *Ономастикон* 9.42 и др.). Народ, вместе с комедиографом Алексидом, радовался: «Это Академия? Проваливай прочь из Аттики!» (τοῦτ' ἔστιν Ἀκαδημία; ... ἐς κόρακας... ἐκ τῆς Ἀττικῆς», фр. 99, Афиней, *Пир мудрецов* 13.610e).

Прежде чем перейти к тексту Филодема, сделаю несколько замечаний о том месте, где после 387 г. располагалась школа Платона³. Сюда вела дорога, должно быть именуемая Дромос, которая выходила из города через Керамик и Дипилонские ворота. В классический период она была очень широкой, ок. 40 м и играла важную роль в формировании Афинской гражданской идеологии [Marchiandi, 2020, p. 12]. Как сообщают античные путешественники и подтверждают современные раскопки, по обе стороны дороги располагался ряд стел, призванных увековечить память павших афинских воинов, так называемые *Dēmosion Sēma*. Вероятно, эта практика получила распространение вскоре после Персидских войн. Именно здесь, раз в году (в четвертый месяц аттического года, *пианепсион*, соответствующий нашим октябрю–ноябрю) совершалась важная публичная церемония захоронения праха павших воинов и произносилась торжественная надгробная речь (*epitaphios logos*), вроде той, которую, согласно Фукидиду (*История* 2.34) в 431 г. произнес Перикл. Эти стелы подробно описывал во втором веке н. э. Павсаний (1.29.2–15), а в 1979 и 1997 гг. было сделано два археологических открытия, которые позволили уточнить топографию места. Именно, была открыта могила Ликурга и обнаружены пять коллективных захоронений (*polyandria*), датированных пятом веком до н. э. По этой дороге афинские граждане шли в Академию, которая была местом отдыха и спортивных занятий, и имена павших героев должны были напоминать им об их гражданском долге.

Миновав это воплощение афинской имперской идеологии, гражданин попадал в сад Академии, где его встречал знаменитый жертвенник Эроту, точная локализация которого, как и, собственно, входа в Академию, к сожалению, не известна. Афиней (*Пир мудрецов* 13.609c) сохранил эпиграмму, из которой следует, что жертвенник был заложен Хармом, любовником Писистрата (Павсаний, *Описание Эллады* 1.30.1). Как сообщается, Гиппарх, сын Писистрата начал строительство длинной и дорогой стены вокруг Академии, которая так никогда и не была закончена, а также соорудил ряд других монументов. В 1966 г. был обнаружен

³ Из недавних работ о физическом устройстве Академии см. прежде всего: Caruso, 2013; Panayiotopoulos, Chatziefthiminou, 2020; Lygori-Tolia, 2020 и Афонасина, 2019.

пограничный столб, обозначающий границы Академии, подобный тому, что был найден на афинской Агоре, датируемый, по всей видимости, концом шестого века, также как и различные фрагменты древнейших построек на территории Академии, такие как вторично использованные блоки, антификсы и герма [Marchiandi, 2020, p. 19; Panayiotopoulos, Chatziefthiminou, 2020, p. 35]. Очевидно, постройки и, особенно, культовые сооружения Академии, такие как жертвенник Прометею, музам, Гермесу, Гераклу (Павсаний 1.30.2–4), а также священные оливы Афины, масло которых давали в качестве награды победителям в Панафинеях (Софокл, *Эдип в Колоне* 694, Аристотель, *Афинская политика* 60), могут восходить к архаическому периоду и все так или иначе связаны с гомоэротическим идеалом пайдеи, который затем получит классическое развитие в диалогах Платона. Одним из популярных состязаний в Академии была описываемая Павсанием *lampadēdromia* – бег с зажженными факелами от Академии до города. Павсаний связывает его с жертвенником Прометею, однако Плутарх (*Солон* 1.7) и Гермий (Комментарий к *Федру* Платона, 231e) эксплицитно связывают бег с культом Эрота, что, как полагают некоторые исследователи [Marchiandi, 2020, p. 25, особ. п. 93] может отражать более древнюю традицию, ведь не случайно на таком большом количестве как греческих, так и римских ламп изображен Эрот, нередко сам изображаемый как участник *lampadēdromia*.

Идентифицированные в результате археологических раскопок здания гимназии и так называемого квадратного перистилля идентифицируются исследователями как здания, непосредственно связанные со школой Платона [Lygori-Tolia, 2020, p. 56 сл.]. В частности, отмечается, что раскопанный план «гимназия» в Академии обладает чертами, отличающими его от других зданий такого типа, так как в нем нет раздевалок и бань (которые, впрочем, находятся по соседству), а центральная часть, которая обычно предназначалась для физических упражнений, в этом здании была изготовлена из гидроизолирующего материала, что предполагает наличие в центре бассейна или колодца.

Расположенное примерно в 250 м северо-восточнее гимназии квадратное здание 40 x 40 м, называемое квадратным перистилем (см. рис. 1), представляло собой открытую площадку с колоннадой. Возможно, именно она была тем «перипатом», о котором пишут наши источники, в том числе Филодем. Важно то, что эти здания, для сооружения которых вторично использовались блоки более ранних строений, были, по-видимому, построены одновременно, и на основании материала, типа строения и обнаруженных там стел датируются началом четвертого века. Отсюда следует, что, если они и не были построены специально для школы Платона, то были приспособлены для ее нужд почти сразу после возведения.

Хочется думать, что именно это здание изображено на знаменитой фреске «Академия Платона» из виллы Т. Симмия Стефана в Помпеях (Национальный музей Неаполя, № 124545), ведь группа философов со свитками здесь сидит в некоей экседре [Афонасина, 2019, с. 32-34], у их ног находится сундук, полный рукописей, слева просматривается открытый перистиль, солнечные часы и пейзаж с оливковыми деревьями, а справа видны Афины с Акрополем и Парфеноном, что визуально примерно соответствует действительному расстоянию от Академии до города (см. рис. 2).

Рис. 1. Квадратный перистиль. Платоновская Академия. Афины (фото автора).

Рис. 2. «Академия Платона». Мозаика из виллы Т. Симмия Стефана, Помпеи.
Национальный музей Неаполя.

Филодем. *История академических философов*
(PHerc 1021, Col. I–V)

Эта чудом дошедшая до наших дней история Академии представляет собой, как теперь считается, часть более пространного собрания историй Филодема о философах под названием *Σύνταξις τῶν φιλοσόφων* (так его называет Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 10.3). Ранние издатели эту часть общего собрания называли *Academicorum Index*. Содержащие данный текст папирусы PHerc 1021 и PHerc 164, обнаруженные при раскопках в погибшем в результате извержения Везувия городе Геркулануме, сохранились фрагментарно. Точнее, от последнего сохранилось всего несколько обрывков, тогда как первый представляет собой сильно пострадавший, но все же читаемый свиток. Кроме самого папируса существует также Оксфордский список, который был изготовлен вручную незадолго после обнаружения папируса. Папирус исписан с двух сторон, поэтому колонки на лицевой стороне обозначаются издателями римскими цифрами, а несколько восстанавливаемых колонок на оборотной стороне – буквами от Z до M. Имеется несколько реконструкций этого текста, из которых самым точным и удачным считается издание Тициано Доранди [Dorandi, 1991]. Новейшее комментированное издание и перевод Пола Каллигаса и Вулы Цуны [Kalligas, Tsouna, 2020] основаны на нем, с учетом более ранних работ Гайзера [Gaiser, 1988] и др. авторов. В ряде случаев текст восстанавливается очень приблизительно⁴. Перевод сопровождается комментариями, которые помещаются сразу после каждого фрагмента. Ряд общих сюжетов вынесен в вступительную статью.

Col. I*. 27 и I. 1–41

Приняв [философию], [Платон] полностью обновил ее, добавив к тому же ... прекрасную соразмерность в речах. Однако многое он привнес и от себя, благодаря чему – ведь я должен открыто рассказать обо всем произошедшем – ... более других людей развил (εὕξησεν) философию, но и ослабил (κατέλυσε) ее. Ведь он обратил к философии неопытных людей благодаря записи своих сочинений, способствуя в то же время тому, что некоторые занялись философией поверхностно (ἐπιπολαίως), ступив на проторенный путь ... Кроме того, он¹ говорит, что ... он предоставил им повод для того, чтобы начать заниматься философией, так что не научившиеся ... ничему ... знать [не] только о себе как причисленных к [философам], но и ... быть убежденными, так что некоторые люди полагали, что сам факт их близости к нему является достаточным оправданием их собственного невежества, более того ... что лишь они одни, понимая [философию] своего [благородного] и наимудрейшего [наставника] ...²

1. В начале второй колонки (ниже) Филодем эксплицитно указывает свой источник – ученика Аристотеля перипатетика Дикеарха, который, как известно из других свидетельств,

⁴ Фотографии папируса доступны в составе Oxford drawings of the papyri. Транскрипция Г. Кавалло на основе ряда изданий доступна в базе данных: The Thesaurus Herculansenium Voluminum Project: <http://papyri.info/dclp/62441>.

одним из первых в античной историографии проявляет особое внимание к биографическим деталям [подробнее см.: Mirhadi, 2001; Афонасин, 2017].

2. В данном отрывке Дикеарх (фр. 46A Mirhadi), по-видимому, рассуждает следующим образом. Опубликовав свои философские сочинения, Платон запустил процесс, который привел к важным и необратимым последствиям, как благоприятным, так и не очень. Последние прежде всего связаны с поверхностными риторическими упражнениями платоников, тогда как первые положили начало серьезным занятиям философией и наукой, в особенности математикой.

Нижняя часть колонки (особенно, строки 18–33) содержат несколько лакун и восстанавливаются приблизительно. Смысл высказывания понятен. Выросшая популярность философии, по мнению Дикеарха, привела к тому, что многие ученики, еще не освоив ничего стоящего, начали щеголять своей приверженностью к школе, к тому же сумев убедить других людей в том, что они лучше всех понимают философию своего учителя. В целом, школьный патриотизм был характерен для всех античных философских направлений, но, возможно, в данном случае перипатетику показалось, что члены академии, на пифагорейский манер, слишком подчеркивали свою исключительность.

В свое время Гайзер предпринял попытку восстановить текст особенно испорченных строк 18–43 (в некоторых строках – на основе пары сохранившихся букв!), что привело к следующим результатам: «...Ясно, что людей было легко направить по этому проторенному пути, так как он написал весьма мудроно: “Людям надлежит почитать Эрота, [и различать то, что относится к Эроту, и всем] во всем покориться Эроту” (ср. Пир 212b), так что все, “привлеченные Эротом”, вполне в силах оправдать этим недостаток своего образования, более того, претендовать на обладание хранилищем (κτῆσις) добродетели, при помощи которого лишь они одни в силах постичь учение своего благородного и наимудрейшего наставника».

Должно быть, Гайзера на эту реконструкцию натолкнуло то обстоятельство, что Дикеарх специально критиковал эротические темы в диалогах Платона и считал, что диалог Федр он написал самым первым (Цицерон, *Тускуланские беседы* 4.71 и Диоген Лаэртий 3.38; Дикеарх, фр. 49 и 50 Mirhadi) [соответственно: Петрова, 2017, с. 144]. Учитывая роль святилища Эрота в Академии (о чем подробнее см. предисловие), эта реконструкция выглядит привлекательной, хотя и следует понимать, что, в целом, она и ей подобные являются скорее филологическим упражнением, нежели историческим свидетельством.

Col. Y.1–39

... собрав все вместе, я это записал. «Признано, – как он¹ говорит, – что существенное продвижение было достигнуто в математике того времени, ведь, осуществляя руководство (ἀρχιτεκτονοῦντο[ς]), Платон ставил задачи (προβλήματ[α] δίδόντος), которые математики затем основательно исследовали. Первыми высшей точки достигли теория измерения ([τὰ] περὶ μέτρολογίαν) и проблемы, связанные с определением (τὰ περὶ τοὺς ὀρίσμοὺς προβλήματα), когда Евдокс² и его последователи пересмотрели устаревший метод [Гиппократ].³ Затем существенных успехов добились в геометрии, ведь появился и метод анализа, и лемма, касающаяся определения (τὸ περὶ διορισμοὺς λήμμα) и, в целом, много чего было разработано в области геометрии⁴. Не оставили они без внимания также [оптику] и механику. Они

составили для собственного употребления целое собрание таких [проблем], которое оказалось полезным многочисленным пустословам [σπερμιολόγων]. Но был и другой род учеников, которые пожинали собственную жатву. ...ему ... публичных ... занятия ... Даков и [Гетов]... ведь и ... стремясь ... необходимое (для выживания? для образования?) ... лишь о полезном ... ничем не отличаются от домашних слуг ... Платон ... на расстоянии (отсутствующих?) ... человека (мужчины?) ...⁵

1. Этот текст в достаточно произвольной реконструкции Гайзера Мирхади печатает как фр. 46В Дикеарха. Ученик Аристотеля, сам занимающийся географией (фр. 118–123 Mirhady), отмечает здесь недостаточную разработанность оптики и механики, то есть практических приложений теоретического знания. По крайней мере, он не упоминает ни об одном новом результате в этой области. Как мы знаем, прежде всего Дикеарха интересует эволюция образа жизни философа от одиноких размышлений «мудрецов», через социальный морализм Пифагора и Сократа до «академической» жизни ученого [подробнее см.: Афонасин, 2017]. Последующие фрагменты показывают, что, как и ранее, на этом пути Дикеарх одним из первых в античной историографии проявляет особое внимание к биографическим деталям.

2. Обсуждая развитие теории о «регулярных и упорядоченных» планетарных движениях в Академии, Евдем (фр. 148 Wehrli; Симпликий, Комментарий к *О небе* Аристотеля 488.12 сл.) замечает, что Евдокс «дошел до этих гипотез... после того, как Платон поставил такую задачу знатокам в данной области» (ἄψασθαί... τῶν τοιοῦτων ὑποθέσεων Πλάτωνος... πρόβλημα τοῦτο ποιησαμένον τοῖς περὶ ταῦτα ἐσπουδακόσι). Фрагменты Евдокса: Lasserre, 1966.

3. С именем Гиппократы Хиосского, жившего поколением раньше Платона, связывают задачи по удвоению куба и квадратуре круга (Симпликий, Комментарий к *Физике* Аристотеля 60.22–68.32; 488.12 сл.; Прокл, Комментарий к первой книге *Начал* Евклида 66.4–6, 213.3–11).

4. Прокл (Комментарий к первой книге *Начал* Евклида 66.4–68.4, 211.18–23) также отмечал, что Платон поощрял занятия математикой. Ср. Диоген Лаэртий 3.24.

5. Строки 24–30 колонки почти не читаются, строки 30–36 содержат лишь несколько читаемых частей предложения, строки 37–38 и половина 39-й утрачены полностью. Базируясь на сообщении Диогена Лаэртия (3.46), который, со ссылкой на Дикеарха, пишет, что среди учеников Платона были две женщины, Ласфения из Мантинеи и Аксиофея из Флиунта, Гайзер предлагает строки 30–41 этой колонки реконструировать так: «Подлинную общность и совместную жизнь свободных людей они отличали от равноправия Даков и Гетов. Ведь истину и науки, к ней стремящиеся, должно отделять от усилий, направленных на выживание, а помышляющие лишь о пользе ничем не отличаются от домашних слуг. Зная силу письменного слова, Платон вдохновил многих на расстоянии через свои книги. Уникальный случай – я уверен – Аксиотея, покоренная [его сочинениями], и она была действительно мудрой женщиной, не уступающей в доблести мужчинам, так как не только размышляла и разбиралась [в философии], но даже, нисколько не стесняясь, носила потрепанный плащ. И она посещала...». Отметим вновь, что это всего лишь филологический опыт, хотя и интересный. Женщины платоники упомянуты и в шестой колонке папируса в списке учеников Платона.

Col. II. 1–38

... другими (не узанный?). ... человеколюбия ... равным»¹. И хотя Дикеарх написал именно так, Филохор в шестой книге своей 'Истории Аттики' порицает ... Зная, что ... в [пятой] книге пишет: «И они посвятили статую Сократа и ее [постамент], на котором было написано: Это сделал Бутес... написано много имен ... они посвятили ... статую ... из бронзы ... на которой написано ... посвящение ... мусей², [но] Платон был из дема Коллит». Он говорит, что он (Платон) умер в архонтство Теофила в возрасте восьмидесяти двух лет³.

1. В предложении читается лишь три слова. Примерная реконструкция Гайзера: [Платон иногда не брал денег, из общего] человеколюбия [и потому, что предоставлял равное] равным». Следующее за цитатой упоминание имени Дикеарха однозначно доказывает принадлежность этого и предыдущих двух текстов ученику Аристотеля.

2. В данной колонке читаются строки 4–7, 12–18 и 33–38, в остальных различимы лишь отдельные слова и словосочетания. Источник эксплицитно меняется: Филодем переходит к цитированию из Истории Аттики афинского политика III в. Филохора [фрагменты: Costa, 2007]. Речь идет о посвящении статуи (или статуй) Сократу, хотя некоторые авторы полагают – Исократу. Имя скульптора также читается по-разному: [Σ]ώτης или [Β]ούτης, что не так важно, учитывая то обстоятельство, что ни одно из этих имен нигде более не упоминается. Создается общее впечатление, что цитируемый автор настроен критически [Speyer 2001, pp. 84–85]. Само по себе сообщение звучит вполне уместно из уст Филохора, который, как мы знаем, принадлежал к влиятельной жреческой семье.

3. То есть в первый год 108 олимп. (348/7). Согласно Гермиппу, Платон умер в возрасте восьмидесяти одного года, а по сведениям Неанфа – в возрасте восьмидесяти четырех (Диоген Лаэртий 3.2).

Col. V. 1–21

... [звезды] философов [перекочевали] к Гермию. И хотя ранее Гермий весьма благосклонно приглашал их, то теперь тем более настаивал из-за Платона. Как только они прибыли, он передал им все другие вещи в общее пользование и выделил для проживания город Ассос, в котором они занимались философией, живя единым сообществом (εἰς ἓνα [περί]πлатον συνιόντες), а Гермий предоставил им [все необходимое]. Они верили в то, что посредством философии возможно изменить ... в направлении ... монархию ... речение [Платона], чтобы одна земля всех их [навсегда приняла] ...¹

1. К Гермию, Эрасту и Кориску обращено Шестое письмо, входящее в корпус платоновских сочинений, из которого следует, что эти два ученика Платона уже жили во время его написания у Гермия, а сам он, согласно автору письма, с Гермием лично не встречался (323a); Аристотель, по сообщению Аполлодора (Диоген Лаэртий 5.9), удалившись к Гермию после смерти Платона в первый год 108-й олимп., провел у него три года. В папирусном фрагменте Комментария Дидима к Филиппикам Демосфена (col. 5.53–66) [Harding, 2006,

pp. 137–143] говорится, что Гермий «предоставил им место» и что, как результат общения с философами, «тирания изменилась и стала мягче». В колонке почти не сохранились строки с 15 по 19.

Col. X. 1–43

... так как другие это собрали вместе, я кратко пробежусь по всему, написанному о Платоне, записав следующее. Платон, будучи учеником Сократа и потерявши его еще [в молодости], когда ему был двадцать один год, отплыл на Сицилию и в Италию к пифагорейцам и, пробыв с ними некоторое время, присоединился к Дионисию, называемому Старшим.¹ Но так как тот снес его свободные высказывания плохо, ведь когда он (Платон) был спрошен, кто, по его мнению, счастливее всех, то он не назвал таковым его (Дионисия), как это, возможно, делали другие, почувствовав недовольство² ... передан некоему торговцу из Лакедемона, отплывающему в Афины ... на Эгине став рабом, и пока он был на Эгине ... Пелопонесской войны³ ... получил свободу ... Дионисию Младшему ... Платон ... его имя ... снова домой,⁴ где, проведя некоторое время со своими с близкими, по просьбе Диона отправился к Дионисию. Но там, будучи ложно обвинен в соучастии с Дионом, который хотел свергнуть тирана, едва не погиб, спасшись скорее по воле бога, нежели потому, что он (Дионисий) не посмел нечестиво ...⁵

1. Текст Филодема, к сожалению, лишен связности. Он просто переходит от одного эпизода к другому, в частности, объединяя первую «ознакомительную» поездку Платона на Сицилию, о которой, впрочем, ни Диоген Лаэртий (3.18), ни Олимпиодор (*Жизнь Платона*) ничего конкретного также сказать не могут, со второй поездкой ко двору Дионисия Старшего, между которыми должно быть пролегают годы. В самом деле, Диоген Лаэртий (3.6) сообщает, что после смерти Сократа Платон сначала жил в Мегаре у Евклида, затем в Кирене у Теодора и лишь затем отправился к пифагорейцам в Италию (все эти данные происходят из книги Гермогена о котором см. col. VI), а оттуда в Египет и, вернувшись из этого путешествия, основал школу в Академии. Автор *Седьмого письма* (324b) прямо говорит, что впервые Платон посетил Сиракузы в возрасте сорока лет.

2. Диоген Лаэртий (3.19) и Плутарх (Дион 5) отмечают политическую составляющую беседы Платона с Дионисием. Все они в качестве основного разногласия между ними указывают на неприятие Платоном тиранической власти Дионисия – той самой, которую столь подробно осуждает автор *Седьмого письма*. Филодем существенно упрощает картину, сводя беседу философа и тирана к подобию знаменитого диалога между Солоном и Крезом (Плутарх, *Солон* 27), что не подтверждается более ни одним античным источником, кроме неоплатоника Олимпиодора (*Жизнь Платона*), согласно которому Платон будто бы даже назвал самого счастливого человека – Сократа.

3. Очевидно, имеется в виду Коринфская война 395–387 гг., в которой Эгина воевала против Афин, так что любой гражданин враждебного полиса, оказавшийся на Эгине, по местным законам мог быть продан в рабство. О поездках Платона на Сицилию и этом эпизоде писал Аристоксен в своем *Жизнеописании Платона*, хотя упоминание об этом сохранилось лишь в виде небольшой сатирической ремарки у Лукиана (*Парасит* 34, фр. 62 Wehrli) и не

менее загадочном сообщении у Плутарха (*Тимолеон* 15, фр. 32 Wehrli) о том, как сам Аристоксен в молодости спрашивал уже бывшего тирана Дионисия Младшего (тогда жившего в Коринфе) о том, что случилось тогда между ним и Платоном. Судя по всему, Дионисий весьма сожалел, что в свое время послушался своих придворных, а не Платона. Другие наши источники (Диоген Лаэртий 3.19; Плутарх, *Дион* 5.3; Олимпиодор, *Жизнь Платона*) могут так или иначе использовать материал из этого утраченного жизнеописания. Хронологически, Филодем древнейший из них. Как бы там ни было, согласно Диогену и Плутарху, в этом событии был замешан спартанский посол Полид, который и доставил Платона на Эгину, Филодем же с опорой на Неанфа (ниже, Col. III) просто сообщает, что это были некий купец или спартанские моряки.

4. Строки с 22 по 32 в этой колонке сохранились очень плохо. Ясно, что здесь начинается рассказываемая далее знаменитая история о продаже Платона в рабство. Несмотря на состояние текста, контуры истории четко угадываются: Платон был отдан спартанцу [имя Поллида не называется], дабы тот продал его в рабство. Спартанец отвез его на Эгину, где тот был выставлен на продажу как военнопленный. Случайно оказавшийся там философ-киренаик Анникерид (по сообщению того же Диогена) выкупил его за двадцать или тридцать мин и предоставил ему свободу. Олимпиодор со ссылкой на Аристида сообщает, что Анникерид отправлялся в это время на состязания в Олимпию (очевидно, игры 386 г.) и, выкупив Платона, покрыл себя славой большей, нежели победа в конных состязаниях. Исторически важно следующее далее у Диогена сообщение о том, что именно на эти деньги затем был куплен сад в Академии, ставший местом будущей школы Платона.

5. Эти события также хорошо известны из других источников. Согласно Диогену Лаэртию (3.21–22) Платон хотел попросить Дионисия предоставить ему «землю и людей», где он мог бы жить по законам своего Государства, но в результате сам был обвинен как заговорщик. По версии Диогена за него перед Дионисием заступился пифагореец Архит. Первоисточником этой истории, конечно же, было Седьмое письмо Платона (329d сл.), в котором отмечается и роль Архита (338e сл. и 350a сл.). Последнее предложение отрывка также находит параллель в письме, где сперва его автор говорит, что «злой рок» не позволил планам Платона осуществиться (337e), а в другом отмечает, что Дионисий все же испытал чувство стыда и не тронул философа (340a).

Col. Z. 1–22

... определенное отношение по его отбытию. Кроме того, говорят, что [если Платон] ... он сам, как он выступил, записано в соглашении ... речь ... видя, что ... игр ... Диона и друзей [опасную встречу] ... в поддержку олигархии ... других ... противников ... о мудрости ... но также ...¹

1. В данном фрагменте не читается ни одного цельного предложения, однако представляется очевидным, что он касается той же второй и, возможно, третьей поездки Платона на Сицилию, которую философ предпринял некоторое время спустя для того, чтобы (безуспешно) примирить Диона с Дионисием (Диоген Лаэртий 3.23). В Седьмом письме Платон застаёт покинувшего Сицилию Диона на Олимпийских играх (350b сл.), о чем,

возможно, и шла речь у Филодема, хотя его источником, несомненно, был историк Неанф Кизикийский (Диоген Лаэртий 3.25 также передает эту историю со ссылкой на Неанфа). Тогда упоминаемое им «соглашение» может отсылать к обещанию Дионисия не трогать сторонников Диона на Сицилии (349а сл.), а упоминаемой в отрывке «олигархией» могут, например, быть те пятьдесят законодателей, которые могли бы, по мысли автора письма (337b сл.), установить в стране справедливые законы после свержения тирана.

Col. II. 39–44 и col. III. 1–23

Неанф говорит, что он слышал от Филиска Эгинского, что Платона его родители назвали так из-за ширины (π[λάτος]) его лба¹ и что некие спартанские [моряки], прибывшие (на Эгину), выставили афинян на продажу², так что Платон, оставаясь неузнанным, был продан очень [бедному] человеку³, ведь, понимая, что спартанцы, отплывая, постараются забрать с собой и своих пленников, он [скрыл] (свою идентичность), опасаясь оказаться в [Македонии] у Архелая⁴, открывшись лишь своему покупателю и пообещав большое вознаграждение в обмен за освобождение, причем он (покупатель) не удивился ... так как также узнал ... ширину его лба ... Платон ...⁵

1. Сообщая о том, что Платон был так прозван за широкий лоб, Диоген Лаэртий (3.4) также ссылается на историка Неанфа, который, как мы теперь узнаем благодаря Филодему, получил эти сведения от своего учителя Филиска, который, в свою очередь, учился у Исократа (*Суда* N 114, Ф 360). Согласно Диогену (3.4), другие думали, что Платон, прежде звавшийся Аристоклом, был так прозван за крепкое телосложение или, по мнению других, за широту слога.

2. См. прим. 3 и 4 к Col. X, выше.

3. По традиции, считается, что это был философ киренаик Анникерид (см. прим. 3 к Col. X).

4. Архелай правил Македонией с 413 по 399 гг. и, в целом, был другом Афин и весьма успешным правителем. Он поддерживал искусства. Его, среди прочих, посещали Еврипид, написавший там своих знаменитых Вакханок, и Фукидид. Платон весьма негативно оценивал личные качества Архелая, обвиняя его в кровавом захвате власти (*Горгий* 471a–e).

5. Строки с 23 по 34 колонки III утрачены полностью.

Col. III. 35–43 и col. V. 1–18

Филипп¹, философ и астроном, ставший секретарем Платона и его учеником, сообщил ему, что Платон, будучи стариком, принимал у себя иноземца из Халдеи ... у него (Платона) был жар. Этот же (человек), при помощи фракийского слуги², песню своей страны (ἔγγυ[ν]ες) исполнил с использованием дактилического ритма. Платон тут же закричал, что он не в своем уме и обратился к нему, тот же ответил: «Понимаешь (теперь), что варвары совершенные неучи, ведь, люди варварских земель, чьи уши невосприимчивы к ритму, не в силах выучить [должное]»³, – весьма его (Платона) порадовав, так что тот, пребывая в хорошем настроении,

похвалил гостя и за те мысли, что пришли ему на ум, и за тот способ, каким он их выразил. Испытывая жар (*διαθερμαυθέντος*), он пробудился как-то ночью в неподходящее время ...⁴

1. Имеется в виду Филипп Опунтский, но источником Филодема, по-видимому, остается тот же Неанф. [Подробнее о Филиппе см.: Dillon, 2003, pp. 179-197; Диллон, 2005, с. 206-225].

2. Гайзер полагает, что слуга сопровождал его на авле.

3. Стихотворная цитата ямбическим триметром, возможно из трагедии. Очевидно, халдей, хотя и безуспешно, музыкой пытался вылечить (или хотя бы развеселить) больного Платона. Музыкальное выступление, по-видимому, не удалось, зато халдей порадовал Платона своей последующей речью [подробнее см.: Kingsley, 1995].

4. Или: «Разогревшись (вином?), он разволновался (возбуждился) как-то ночью в неподходящее время...», так как *διαθερμαυθέντος* может указывать как на то, что Платон испытывал жар в результате воспаления, так и на то, что он был «разогрет» вином, ведь, согласно Гермиппу (Диоген Лаэртий 3.2), Платон умер во время свадебного пира. На это указывает и стоящий далее в тексте *ἔγερσις*, который может означать не только «пробуждение», но и «возбуждение». Так как Филодем постоянно переходит от одного сюжета к другому, то это случилось не обязательно в ту же ночь, когда он принимал халдейского гостя, хотя его пение вполне было бы уместным на свадебном пире. Строки с 19 по 31 в этой колонке не сохранились.

Список литературы / References

Афонасин, Е. В. (2017). Лекарство для припоминания. Перипатетическое конструирование интеллектуальной истории Греции. Дикеарх и философская биография. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Т. 11. № 1. С. 271-282.

Afonasin, E. V. (2017). Remedium memoriae. The Peripatetic construction of the intellectual history of Greece. Dicaearchus' Biography of philosophy. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Vol. 11. no. 1. pp. 271-282. (In Russ.)

Афонасин, Е. В. (2019). *Гераклид Понтийский. Фрагменты и свидетельства*. СПб.: Изд-во РХГА.

Afonasin, E. V. (2019). *Heraclides of Pontus. Fragments and testimonies*. Saint Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

Афонасина, А. С. (2019). Место философской школы в античном городе: Академия Платона и Дом Прокла в Афинах. *ΠΡΑΞΗΜΑ (Praxēma)*. № 3 (21). С. 27-42.

Afonasina, A. S. (2019). The place of the philosophical school in the ancient city: the Academy of Plato and the House of Proclus in Athens. *ΠΡΑΞΗΜΑ (Praxēma)*. no. 3(21). pp. 27-42. (In Russ.)

Гараджа, А. (2019). Аристоксен Тарентский о Сократе и Платоне. *Платоновские исследования*. Т. 10. № 1. С. 197-208.

Garadzha, A. (2019). Aristoxenus of Tarentum about Socrates and Plato. *Platonic Investigations*. Vol. 10. no. 1. pp. 197-208. (In Russ.)

- Диллон, Дж. (2005). *Наследники Платона*. Пер. Е. В. Афонасина. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Dillon, J. (2005). *The Heirs of Plato*. Afonasin E. V. (transl.). Saint Petersburg: St Petersburg University Publ. (In Russ.)
- Аристотель. Идеи и интерпретации* (2017). Под ред. Петровой М. С. М.: Аквилон.
- Petrova, M. S. (ed.). (2017). *Aristotle. Ideas and Interpretations*. Moscow: Aquillo. (In Russ.)
- Bintliff, J. (2012). *The Complete Archeology of Greece*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Caruso, A. (2013). *Akademia: Archeologia di una scuola filosofica ad Atene da Platone a Procle (387a.C.- 485 d.C.)*. Athens–Paestum: Pandemos.
- Costa, V. (2007). *Filocoro di Atene*. Vol. I: I frammenti dell'Atthis. Roma: Edizioni TORED.
- Dillon, J. (2003). *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347-274 BC)*. Oxford University Press.
- Dillon, J. (2012). Aristoxenus' Life of Plato. In Huffman, C. A. (ed.) *Aristoxenus of Tarentum: Discussion*. New Brunswick–London: Rutgers University Press. pp. 283-296.
- Dorandi, T. (1991). *Filodemo, Storia dei filosofi: Platone e l'Academia*. Naples: Bibliopolis.
- Gaiser, K. (hrsg.) (1988). *Philodems Academica. Die Berichte über Platon und die Alte Akademie in zwei Herculanensischen Papyri*. Supplementum Platonicum 1. Stuttgart: Frommann.
- Haake, M. (2020). The Academy in Athenian politics and society – between disintegration and integration: the first fifty years (387/6 – 306/5). In Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge University Press. pp. 65-88.
- Harding, P. (2006). *Didymos on Demosthenes*. Oxford University Press.
- Kingsley, P. (1995). Meetings with Magi. Iranian Themes among the Greeks, from Xanthus of Lydia to Plato's Academy. *Journal of the Royal Asiatic Society*. no. 5. pp. 173-209.
- Lasserre, F. (1966). *Die Fragmente des Eudoxos von Knidos*. Berlin.
- Lygori-Tolia, E. (2020). The gymnasium of the Academy and the School of Plato. In Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge University Press. pp. 46-64.
- Marchiandi, D. (2020). In the shadow of Athena Polias: the divinities of the Academy, the training of politai and death in service to Athens. In Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge University Press. pp. 11-27.
- Mirhady, D. (2001). Dicaearchus of Messana: The Sources, Text and Translation. In Fortenbaugh, W., Schütrumpf, E. (eds.) *Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion*. New Brunswick, NJ and London: Rutgers University Press. pp. 1-142.

Nails, D. (2002). *The People of Plato: A Prosopography of Plato and other Socratics*. Indianapolis: Hackett.

Panayiotopoulos, M., Chatziefthiminou, T. (2020). Observations on the topography of Ancient Academia. In Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge University Press. pp. 28-45.

Speyer, A. (2001). The earliest bust of Socrates? New observations to Philochorus in PHerc. 1021 col. 2. *CrErc 31*. pp. 81-95.

Сведения об авторе / Information about the author:

Афонасин Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: afonasin@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 04.08.2020

После доработки 10.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Afonasin Evgeny – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: afonasin@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-0623-0574.

The paper was submitted 04.08.2020

Received after reworking 10.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020